

Ю. Х. КОПЕЛЕВИЧ

Первые отклики зарубежной печати на работы Ломоносова

Первые сведения о сочинениях Ломоносова, которые удалось отыскать в зарубежных научных журналах, относятся к концу 1750 года*. До этого времени Ломоносов не был известен за рубежом, хотя он уже пять лет был профессором и занимал одно из ведущих мест в Петербургской Академии. В середине XVIII века — в первые годы деятельности Ломоносова как адъюнкта и профессора — Петербургская Академия, не имевшая с 1741 года президента и испытывавшая серьезное финансовое затруднение, значительно ослабила свою издательскую деятельность. Основное издание Академии, ее «Комментарии», выходили с большим опозданием: в 1741–1746 годах не вышло ни одного тома, а вышедший в 1747 году десятый том содержал работы почти десятилетней давности. За эти годы в зарубежной печати появилось очень мало сообщений о Петербургской Академии; среди связанных с Академией и заинтересованных в ее судьбах европейских ученых распространялись тревожные слухи о бедственном положении Академии, даже о полной ее ликвидации**. Эйлер, наиболее осведомленный в делах Академии и прини-

* Основную работу по поискам рецензий и отзывов о трудах Ломоносова в немецкой печати проделал К. Дукмейер. Краткий перечень обнаруженных им материалов опубликован в книге «Выставка Ломоносов и елизаветинское время» (т. VII. Пг., 1915, стр. 123–165). В русском изложении этот перечень повторен в статье Д. И. Гордеева и Л. А. Чеботаревой «К вопросу о значении идей М. В. Ломоносова в развитии естествознания в Западной Европе. Очерки по истории геологических знаний» (вып. 1. М., 1953, стр. 7–35). Сведения из французских журналов приведены в книге Л. В. Каминер «Французская журналистика XVIII века» (М., 1953). В настоящее время в связи с подготовкой «Летописи жизни и деятельности М. В. Ломоносова» автором при участии Т. Н. Кладо и А. Н. Ягунова дополнительно просмотрена периодическая печать XVIII в., причем найдено еще несколько неизвестных рецензий.

** Так, например, Даниил Бернулли в 1745 г. в двух письмах к Эйлеру (Архив АН СССР, ф. 136, од. 2, № 7, л. 91–92 об., 108–109 об.) говорит о полной безнадежности положения Петербургской академии, которую считает совершенно «niedergeschlagen».

мавший в них самое деятельное участие, в конце 1745 году тоже поверил этим слухам, тем более что сведения, которые он сам получал из Петербурга, были неутешительны*. И это в тот самый год, когда Ломоносов получил профессорское звание и доложил Конференции о своих первых больших работах по физике и химии, которые, как и труды других петербургских академиков, после представления в Конференции были сложены в Архиве «до лучших времен». Работам Ломоносова пришлось бы по крайней мере лет десять дожидаться публикации, если бы в делах Академии не наступил резкий перелом. Как известно, в 1747 году с принятием Устава и назначением нового президента было решено начать новую серию «Новые комментарии», а накопившиеся за прошлые годы труды издавать параллельно в томах 11–14 старых «Комментариев». Благодаря этому решению первые труды Ломоносова увидели свет в 1750 году.

Заметим, что зарубежная печать проявила большой интерес к переменам, происшедшим в Петербургской Академии в 1747 году. Сообщения о касающемся Академии новом Указе императрицы, об уставе Академии и назначении президента появились во многих европейских журналах. Какими путями проникали в зарубежную печать сведения из Петербургской Академии? Просмотр иностранной корреспонденции Академии этих лет убеждает нас, что основным путем передачи таких сведений были контакты с учеными кругами Европы через русских дипломатов, и главным образом через иностранных членов Академии, с которыми поддерживалась постоянная переписка. Так, например, Крафт писал Разумовскому 16 мая 1784 года**: «Я получил печатное извлечение из регламента Академии и послал его в Амстердам для помещения в ученом журнале, который там издается. Весь мир дивится мудрости этих правил...» Крафт, вероятно, имел в виду «Nouvelle Bibliotheque Germanique», где мы действительно находим в т. 5 на стр. 205–215 подробное изложение Регламента Петербургской Академии. О том, каким образом появилось такое же сообщение в парижском

* Эйлер писал Шумахеру (письмо от 2/13 марта 1745 г. *Die Berliner und die Petersburger Akademie der Wissenschaften im Briefwechsel Leonard Eulers*, Bd. II. Berlin, 1960. S. 78): «Если я из Вашего долгого молчания заключаю, что дела в Академии идут не так, как хотелось бы, то я, вероятно, не очень в этом ошибаюсь, так как здесь с некоторых пор распространился слух, что Академия полностью ликвидирована и от нее останется только календарное ведомство». В другом месте того же письма Эйлер продолжает: «Если дела обстоят действительно так, хотя я не хочу этому верить, то несомненно прекратится издание «Комментариев» и сочинения, лежащие в Архиве, затеряются. В этом случае я хотел бы покорнейше просить Ваше высочайшее сделать представление куда следует, чтобы мне возвратили мои хранящиеся там сочинения, а также мою корреспонденцию, от которой я не имею никаких копий».

** Архив АН СССР, ф. 1/оп. 3, № 35, л. 50.

«Journal des Sçavans» (мы находим его в августовском номере журнала за 1748 г., стр. 500), очень живо повествует Саншес Рибейра (член Петербургской Академии, находившийся в то время в Париже) в письме к Теплову от 7 мая 1748 года. «Экстракт, который Вы мне прислали, я постарался поместить в «Журнале ученых» через моего друга г-на Фальконе, который причастен к этому журналу. Он читал его в моем присутствии и был поражен, что в России заботятся о науках более серьезно и с большей щедростью, чем в остальной Европе. Он сказал мне следующие слова: «Дайте, дайте мне этот экстракт, это самый лучший подарок, какой я могу сделать «Журналу ученых». Европа узнает, что в России есть императрица, которая стоит больше, чем Христина шведская»*. В следующем письме, от 24 ноября Саншес сообщает, что Фальконе исполнил обещанное**.

Итак, ученые круги Европы из «Регламента» знали о том, что Петербургская Академия начинает издание новой серии «Комментариев» и с интересом ожидали выхода в свет первого тома. Перар писал 28 января 1749 года Шумахеру из Штетина: «Вы сообщаете мне об XI томе Ваших интересных «Комментариев» и в то же время о I томе «Новых Комментариев». Будет ли это отдельное издание или старые мемуары будут помещены вместе с новыми? Все, что выходит из-под пера знаменитого Эйлера, отмечено превосходной печатью...» Заметим, что не случайно представление о петербургских «Комментариях» в это время связывалось главным образом с именем Эйлера. Математический класс последних томов почти целиком был заполнен его статьями. Другие известные в Европе ученые, уехавшие к этому времени из Петербурга, как Бернулли, Крафт, Гейнзиус, присылали из-за границы не много своих работ. О сравнительно молодых петербургских профессорах и адъюнктах, выдвинувшихся в 1740-х годах, — Ломоносове, Рихмане, Брауне, Краценштейне, Крашенинникове, Попове — в Европе ничего не знали. В Петербурге придавали большое значение изданию первого тома, как первому «выходу в ученый мир» молодых научных сил Академии. Об этом мы читаем, например, в письме Шумахера Теплову от 28 июня (8 июля) 1749 года***. В ответ на предложение о выборе задачи для первого конкурса Академии Шумахер высказывает различные опасения, в том числе и то, что в Петербурге нет сейчас ученых, суждение которых было бы авторитетно для Запада. Шумахер советует отложить объявление конкурса на год, ибо тогда «и здешние господа академики, которые о сем деле рассуждать и судьями быть должны, по их сочинениям, которые в первом томе «Новых

* Там же, № 37. л. 181.

** Там же, № 37, л. 167.

*** Там же, № 37, л. 296.

комментариев» выйдут, ученому свету известны будут, ибо кто ныне об них что знает»*.

Уже в апреле 1750 года Крафт, узнав о предстоящем выходе в свет первого тома «Новых комментариев», писал Шумахеру из Тюбингена: «Все здешние ученые, которым я сообщил об издании в имп. Академии многих превосходных сочинений, восторгаются ее цветущим состоянием... Если я мог бы с оказией получить план и перспективу Петербурга, а также I том «Новых комментариев» с приложениями, то это вызвало бы здесь большее изумление, а я был бы чрезвычайно рад и не пожалел бы никаких расходов...»**

Печатание первого тома «Новых комментариев», в который вошли работы Ломоносова «Размышления о причине теплоты и холода», «Опыт теории упругой силы воздуха», «Диссертация о действии химических растворителей вообще» и «О вольном движении воздуха, в рудниках примеченном» (стр. 206–275), закончилось в мае 1750 года.

По традиции часть тиража рассылалась безвозмездно русским посланникам в европейских государствах, иностранным академиям, крупнейшим библиотекам, редакциям наиболее известных журналов, иностранным членам Петербургской Академии. В делах Канцелярии сохранился список, по которому был разослан первый том «Новых комментариев» вместе с «Морской наукой» Эйлера. В разделе журналов в списке перечислены: «Acta eruditorum», «Commercium litterarium» в Нюрнберге, «Bibliothèque Germanique», «Bibliothèque Raisonnée», «Journal des Sçavans» и «Mèmoires de Trévoux», т. е. наиболее старые и популярные из научных журналов Европы, печатавшие и в прежние годы различные известия о Петербургской Академии***. По большому количеству сопроводительных писем, сохранившихся в ученой корреспонденции того времени, можно проследить порядок рассылки тома летом и осенью 1750 года. Уже в конце мая отправлены книги в ближайшие города — Кенигсберг, Данциг, Штеттин, в июне — июле в Вену, Копенгаген, Лондон, Гаагу, Амстердам. Отдельные экземпляры посылались еще в ноябре. Благодарственные письма от ученых, получивших книги из Петербурга, относятся к сентябрю — декабрю 1750 года, а отдельные письма к началу 1751 года.

В Лейпциг книги прибыли, вероятно, в октябре, поскольку Гейнзиус в письме к Шумахеру от 26 сентября**** пишет, что он их еще не получил. Поэтому нельзя не отметить большую оперативность лейпцигских «Neue Zeilungen von gelehrten Sachen», изда-

* Материалы для истории имп. Академии наук, т. X. СПб., 1900, стр. 33–35.

** Архив АН СССР, ф. 1, от. 3, № 39, л. 48 об.

*** Там же, ф. 3, оп. 1, № 431, л. 264 об.

**** Там же, ф. 1, оп. 3, № 39, л. 29.

вавшихся в это время Йог. Бурхгартом Менке, которые уже в номере от 2 ноября 1750 года поместили обзор, хотя и весьма краткий, первого тома петербургских «Новых комментариев», в котором на стр. 771–772 излагается содержание ломоносовских работ. При всей лаконичности этого изложения видно, что оно сделано специалистом, прекрасно усвоившим сущность работ Ломоносова. Так, о «Размышлениях о причине теплоты и холода» сказано: «Автор отрицает особую материю огня и считает, что тепло можно вывести исключительно из внутреннего движения частиц тела». Или об «Опыте упругой силы воздуха»: «Он считает, что упругость происходит не от внешней материи, а от мельчайших частиц самого воздуха, которые являются шарообразными, совершенно твердыми и с шероховатой поверхностью, и когда они от тепла приходят в движение, они из-за толчков отскакивают друг от друга». В таком же роде аннотируются и другие работы*.

Значительно более подробные рецензии появились в следующем году в двух амстердамских журналах: «Bibliothèque raisonnée des ouvrages des sçavans de l'Europe» (издавался в 1727 г., перестал выходить в 1753 г. со смертью последнего издателя И. Ветштейна) и в «Nouvelle bibliothèque germanique», издававшейся в 1741–1760 годах И.-Г.-С. Формеем. Рецензент из «Библиотеки» Ветштейна (т. 46 за январь-февраль-март 1751 г., стр. 256–257) из ломоносовских статей первого тома выделяет его сочинение «О причинах теплоты и холода», считая его более всего достойным внимания читателя. Он подчеркивает главное положение работы Ломоносова, что теплота состоит во внутреннем движении материи. «Наш автор, говорится в рецензии, искусно разбивает возражения, какие могут быть ему сделаны, и выводит необходимые следствия». Рецензент полностью присоединяется к ломоносовской критике гипотезы о существовании особой материи тепла. «Увеличение веса обжигаемых тел, собиравание солнечных лучей в зажигательном зеркале, а также опыты над материей, вызывающей холод, не говорят, по мнению нашего автора, в пользу этой гипотезы, и он опровергает далее при помощи веских доказательств самое существование такой материи» (стр. 257). Материалы переписки позволили нам установить его автора. Руссе де Мисси (Rousset de Missy) в Амстердаме, которому было послано по два экземпляра книг в июле 1750 года, 18 января 1751 года пишет Шумахеру: «Г-н Лальман (Lalman), профессор в Лейдене, принимает некоторое участие в «Bibliothèque raisonnée». Это он готовит извлечения из двух томов г-на Эйле-ра и из тома «Новых комментариев». С этим условием я вручил

* Полный текст всех выявленных рецензий в русском переводе печатается в книге «М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников».

ему эти книги, как вы распорядились, и он вполне способен это оправдать»*.

В том же роде написаны рецензии в «Новой немецкой библиотеке» Формея. Автор их умело передает основные идеи работ Ломоносова, подчеркивает то новое, что внес Ломоносов по сравнению со своими предшественниками. Так, например, в рецензии на «Диссертацию о химических действиях растворителей вообще» (стр. 242) указано: «Обычно ее (причину растворения) объясняют исключительно размером и формой пор и корпускул. Ломоносов показывает, что проникновение растворов в поры тел, которые растворяются, происходит по причине однородности материи». Перечислив кратко приведенные Ломоносовым доказательства в пользу его теории растворения, рецензент заключает: «Все это выведено весьма хорошо». Подробный реферат первого тома «Новых комментариев» появился в том же году в седьмом томе журнала «Hamburgisches Magazin, oder gesammelte Schriften zum Unterricht und Vergnügen, aus der Naturforschung und den angenehmen Wissenschaften überhaupt». Журнал этот издавался с 1747 года в Гамбурге и Лейпциге и к этому времени приобрел значительную популярность. Автора реферата установить не удалось. В разделах, посвященных работам Ломоносова, дается краткое изложение ломоносовской теории теплоты, растворения и упругости воздуха. Автор реферата избегает каких бы то ни было оценок и даже нарочито подчеркивает это в начале рецензии на «Размышления о причине теплоты и холода», где он говорит: «Это кажется чем-то новым, но мы воздержимся от суждения...»

Таким образом, в течение первого года после появления первого тома «Новых комментариев» четыре научных журнала Европы, притом журналы старые, имевшие уже известные традиции и авторитет в ученых кругах, ознакомили своих читателей с первыми работами Ломоносова по физике и химии. Сам Ломоносов с уважением относился к такого рода популяризаторской деятельности научных журналов и позднее писал об этом в своей статье «Рассуждение об обязанностях журналистов»**: «Что же касается журналов, то их обязанность состоит в том, чтобы давать ясные и верные краткие изложения содержания появляющихся сочинений, иногда с добавлением справедливого суждения либо по существу дела, либо о некоторых подробностях выполнения. Цель и польза извлечений состоит в том, чтобы быстрее распространять в республике наук сведения о книгах».

* Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3. № 39. л. 232–232 об.

** Напечатана под заглавием «Dissertation sur les devoirs des journalistes dans l'exposé qu'ils donnent des ouvrages destinés a maintenir la liberie de philosopher» в журнале «Nouvelle bibliothèque». t. VII, 1755. p. 343–366; ПСС. т. 3, стр. 202–232.

Однако далеко не все журналы, по мнению Ломоносова, добросовестно выполняют эту свою обязанность. Есть и такие, «вся заслуга которых состоит в том, чтобы неумеренно и без всякой сдержки изливать желчь и яд». Это относится главным образом к некоторым из новых журналов, число которых, как говорит Ломоносов, «увеличилось до того, что у тех, кто пожелал бы собирать и только перелистывать «Эфемериды», «Ученые газеты», «Литературные акты», «Библиотеки», «Комментарии» и другие подобного рода периодические издания, не оставалось бы времени для чтения полезных и необходимых книг и для собственных размышлений и работ»... Ярким примером такого рода журналистики были лейпцигские «*Commentarii de rebus in scientia riaturali et medicina gestis*». Они начали выходить в свет только в 1752 году и уже в первом томе преподнесли своим читателям ругательные рецензии на работы Ломоносова из первого тома «Новых комментариев», и особенно на его диссертации «О причине теплоты и холода» и «Опыт теории упругой силы воздуха». Нет нужды подробно разбирать эти рецензии, поскольку Ломоносов, как известно, в статье «Рассуждение об обязанностях журналистов» превосходно отражает насмешливые нападки рецензента на его гипотезы по теории теплоты и теории упругости газов. Приведем здесь только некоторые дополнительные факты, связанные с этими рецензиями.

Прежде всего, о их авторе. Уже высказывалось предположение о том, что рецензии эти написаны, возможно, А. Г. Кестнером. Предположение это основано на высказывании Эйлера в его письме к Ломоносову от 11 января 1755 года*. Возмущаясь бесстыдством многих немецких газетных писак, которые издевательски продерживают самые блестящие произведения, пытаются этим создать себе громкое имя и втирают очки невеждам, Эйлер говорит: «...при этом обычно особо выделяется профессор Кестнер в Лейпциге, который пользуется большим влиянием не только в лейпцигских, но и в геттингенских и гамбургских научных журналах». Из этих слов Эйлера еще очень трудно сделать вывод о Кестнере как об авторе рецензии на работы Ломоносова. В них даже едва ли можно усмотреть намека на это обстоятельство. Дальнейший текст письма свидетельствует скорее о том, что Эйлер не только не знал ничего достоверного об авторе, но не читал и самих рецензий и даже не слышал о них до того, как ему написал сам Ломоносов.

Тем более интересно, что это на первый взгляд малообоснованное предположение подтверждается самым убедительным свидетельством — письмом самого Кестнера, хранящемся в библиотеке Тартуского университета**. Кестнер, состоявший в переписке с Эй-

* Акад. изд., т. VIII, стр. 181–185.

** Собрание Моргенштерна, № 8. Письмо от 30 сентября 1756 г.

лером уже с 1745 года, в 1756 году выразил ему свою обиду по поводу письма Эйлера к Ломоносову, того самого, о котором мы упомянули выше и которое Ломоносов без согласия Эйлера опубликовал в «*Le Caméléon littéraire*» 18 мая 1755 года Кестнер заверяет Эйлера, что он никогда не писал каких-либо пасквилей не сочинения Берлинской академии и Эйлер напрасно его подозревает; при этом он пишет: «Но, чтобы добавить к этому еще одну истину, я должен признаться, что рецензии на физические сочинения Ломоносова в «*Commentarii de rebus in scientia naturali...*» написаны мною». Таким образом, мы достоверно знаем, кто был первым научным противником Ломоносова за рубежом, предшественником известного Арнольда. В связи с этим небезынтересно ближе ознакомиться с научным обликом этого, тогда еще молодого лейпцигского профессора.

Юрист по образованию, человек бесспорно одаренный и любознательный, Кестнер прослушал в 40-е годы в Лейпцигском университете курсы лекций по математике, физике, философии, истории, ботанике, химии, анатомии, медицине, астрономии. Однако, судя по его печатным работам, он не занимался самостоятельными исследованиями в какой-либо области естествознания. Испытывая денежные затруднения, Кестнер в эти годы развил обширную деятельность переводчика самых разнообразных книг, от модных романов «Грандиссон» и «Памела» и книги об искусстве окраски шерсти до «Комментариев» Шведской академии наук, которые он, по его собственному признанию, перевел, совсем не зная шведского языка, пользуясь посредственной грамматикой и посредственным словарем. Впоследствии Кестнер стал весьма плодовитым поэтом, был близок к кружку Готтшеда. Известны слова о нем, сказанные Гауссом, что он был «среди поэтов своего времени лучшим математиком, а среди математиков своего времени лучшим поэтом».

В конце 40-х годов, т. е. в начале своей профессорской деятельности, Кестнер выступал преимущественно с работами популярно-философского и теологического содержания, к числу которых относится и его диссертация «Об обязанностях, вытекающих из убеждения, что случайные события зависят от божьей воли»*. Вся обширная журналистская деятельность Кестнера была скорее своего рода литературным творчеством, чем выражением определенных научных позиций, основанных на собственных исследованиях. Поэтому не удивительно, что в критике физических работ Ломоносова Кестнер обнаружил не только нежелание понять то новое, что содержалось в ломоносовском толковании явлений теплоты, растворения и упругости газов, но допустил в своей критике такие элементарные нелепости, как пример с колоколами, которые не разрушаются от коле-

* Dissertation sur les devoirs qui resultant de la conviction, que les evenemens fottuits dependent de la volonte de Dieu. Berlin, 1751.

баний и тем самым должны якобы опровергать мысль Ломоносова, что источником теплоты является не колебательное, а вращательное движение частиц. «Он, вероятно, не подумал о колоколах,— пишет Кестнер,— части которых при звоне безусловно вибрируют, но колокола остаются целыми много веков», т. е. рецензент не различает движения всего тела и внутреннего движения его частиц.

Кроме рецензий в лейпцигских *«Commentarii de rebus in scientia naturali et medicina gestis»*, вскоре появились еще две критические рецензии на те же работы, причем обе в журналах новых: во втором томе (стр. 332–335) лейпцигского журнала *«Medicinische Bibliothek»*, издававшегося Р. А. Фогелем с 1751 года, и в геттингенских *«Relationes de libris novis»* (1753, fasc. 7, 308–311), выходивших с 1752 года у издателя Михаэлиса (с 1755 г. издание этого журнала прекратилось). При сопоставлении обеих рецензий с рецензией Кестнера бросается в глаза заметное сходство всех трех по характеру возражений Ломоносову и даже по примерам, которые должны подкреплять эти возражения. Так, пресловутый пример с колоколами приводится во всех трех. Рецензент из *«Medicinische Bibliothek»* упрекает Ломоносова в том, что он «забывает о самых простых вещах и не думает о том, как колеблются у людей колокола, вовсе не распадаясь при этом в своем составе». То же самое в *«Relationes de libris novis»*: «Г-н Ломоносов, отрицая сцепление колеблющихся частиц, по-видимому, забыл о звенящих колоколах...» Точно так же, говоря о работе Ломоносова о действии химических растворителей, обе рецензии повторяют явную передержку первой, утверждающей, будто Ломоносов отрицает существование воздуха в порах соли,— так Кестнер истолковал слова Ломоносова из § 44 его работы, что «...воздух, рассеянный в воде, не входит в поры соли», т. е., как поясняет сам Ломоносов, «не входит из воды в соли, которые в ней растворяются». Об этой передержке Ломоносов писал с особым негодованием: «До сих пор приводились бесспорные доказательства неспособности и крайней небрежности журналиста. Но вот место, где под большим подозрением его добросовестность и где он, по-видимому, решительно задался целью ввести в заблуждение мир, полагая, должно быть, что «Комментарии императорской Петербургской Академии» — книга редкая, к которой не всякий имеет возможность обратиться. Уверенный в этом, он осмеливается приписывать академику невежество, доходящее до отрицания существования воздуха в порах соли, тогда как даже новички в физике не могут не знать этого»*.

Таким образом, представляется вполне вероятным, что рецензии во всех трех журналах написаны тем же Кестнером, если это и не так, то очевидно, что последние две написаны под влияни-

* ПСС, т. 3, стр. 227.

ем первой. Во всяком случае все они написаны с одних позиций и яростно ополчаются на попытки Ломоносова высказать новые гипотезы для объяснения явлений теплоты, растворения, упругости газов. Ко всем трем можно отнести слова Ломоносова, направленные в адрес лейпцигского журналиста: «Журналист не должен спешить с осуждением гипотез. Они дозволены в философских предметах и даже представляют собой единственный путь, которым величайшие люди дошли до открытия самых важных истин». И в другом месте той же статьи: «Журналисту позволительно опровергать в новых сочинениях то, что, по его мнению, заслуживает этого, — хотя не в этом заключается его прямая задача и его призвание в собственном смысле; но раз уже он занялся этим, он должен хорошо усвоить учение автора, проанализировать все его доказательства и противопоставить им действительные возражения и основательные рассуждения, прежде чем присвоить себе право судить его. Простые сомнения или произвольно поставленные вопросы не дают такого права; ибо нет такого невежды, который не мог бы задать больше вопросов, чем может их разрешить самый знающий человек»*. Хотя полемическая статья Ломоносова «Рассуждение об обязанностях журналистов» была опубликована только в 1755 году, мы имеем основания полагать, что критика Кестнера не оказала решающего влияния на мнение ученых Европы. Об этом свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что через год после рецензий Кестнера один из самых старых и популярных научных журналов Европы — лейпцигские «Nova acta eruditorum» (издавался под таким названием с 1732 г. Ф. О. Менке как продолжение выходивших с 1682 г. «Acta eruditorum») опубликовали (1753, стр. 63–65) обзор тех же работ Ломоносова, в котором нет и следа кестнеровских нападок. Он написан в таком же объективном тоне, как и первые рецензии, появившиеся в 1750–1751 годах, и хотя оценка работам Ломоносова не дается, сжато и ясно излагается их содержание и отмечается то новое, что сказано Ломоносовым об исследуемых им физических явлениях.

Мы касаемся здесь только отзывов о первых работах Ломоносова. Сопоставление их с последующими отзывами, с рецензиями на его статьи в т. XIV «Комментариев», вышедшем в свет в 1751 году, на речи в публичных собраниях «О явлениях воздушных» (1753), «О рождении металлов» (1757), «О происхождении света» (1759) и другие естественнонаучные сочинения Ломоносова показывает, что в дальнейшем все более преобладают отзывы, высоко оценивающие труды Ломоносова и его заслуги перед наукой. Однако мы видим теперь, что и первые работы Ломоносова, тогда совсем еще не известного ученым Европы, встретили отклик во многих зару-

* Там же, стр. 231–232.

бежных журналах. Большинство из этих журналов объективно, а некоторые и с явным одобрением передали своим читателям сущность исследований русского ученого. Следовательно, Эйлер был не одинок в своем суждении, когда он писал Ломоносову по поводу критических нападок на эти его работы: «На тех, кто хоть немного знаком с этим делом, подобные нелепые оценки не могут произвести впечатления, ибо хорошо известно, что все, имеющееся в книгах по физике о причине теплоты, отнюдь не достаточно для того, чтобы хоть несколько осветить этот серьезный вопрос. Поэтому усилия тех, которые над ним работают, неизменно заслуживают высокой похвалы. Поэтому нужно питать особую признательность к Вашему высокородию, поскольку Вы весь этот вопрос извлекли из темноты и положили счастливое начало его обсуждению»*.

* Акад. изд., т. VIII, стр. 184.